

Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ О РОССИЙСКОМ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВЕ: ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ И РЕАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Рассматриваются проблемы, связанные с творчеством великого русского писателя Ф.М. Достоевского. Впервые сделана попытка выявить место российского купечества и его деятельности в романах и публицистике великого писателя, который довольно точно отразил его социальную психологию и менталитет. В романах Достоевского наблюдается все возрастающее внимание к русскому купечеству, которое несло в себе как отрицательные стороны обогащения, навеянные прежде всего Западом, так и многие черты русского национального характера, или «почвенничества».

Ключевые слова: история; Россия; Ф.М. Достоевский; предпринимательство; купцы.

После первой поездки на Запад в 1862 г. Достоевский писал в статье «Зимние заметки о летних впечатлениях», что его поражает «буржуазность» западных европейцев («накопить деньги», «купить как можно больше вещей»); «свобода, равенство, братство» оказались весьма далеки от подлинного осуществления; духовный строй буржуа и социалиста-материалиста однороден, и тот, и другой ценят выше всего материальные блага. Прежде в социализме была нравственная постановка вопроса, но теперь предводители пролетариата все это до времени устранили, и борьба руководится лозунгом «убирайся, а я на твоё место». Справедливость такого восприятия социалистов, а потом и коммунистов подтвердила последующая общественно-политическая практика. Как пишет об этом великий русский философ Н.О. Лосский, в большевистском государстве клевета и убийства применяются в самых широких масштабах, нет ни малейшей свободы совести, свободы мысли и печати, нет правовых гарантий, защищающих личность от произвола; эксплуатация трудящихся государством доведена до такой степени, какая и не снилась капиталисту в буржуазном обществе [1. С. 242].

Западные идеалы, по мнению Достоевского, мало подходят для русской жизни. Русская идея – православие, и она, в отличие от католицизма и протестантизма, в основе своей антибуржуазна. В православной религии, по Достоевскому, главное – не форма, а содержание, не внешняя оболочка, но суть. Цель православия – возвышение духовности человека, но решение проблем на основе православия не исключает и внимание к «хлеба». На эту сторону православия Достоевский не раз обращал внимания, но «хлеба» – это самое необходимое для жизни человека и его семьи, в то время как предпринимательство, дающее барыши, – дело, не свойственное русскому человеку. Другое дело европейцы, нравы которых диктует победившая буржуазия. Все человеческие ценности вывернуты наизнанку. Материальное обогащение – самоцель, внутри семейства господствуют финансовые расчеты, не украсть – не норма, а исключение из нормы [2. Т. 5]. Достоевский обнажает эти стороны жизни отдельными штрихами: «Парижанин ужасно любит торговать, но, кажется, и торгуя, и облупливая вас, как липку, в своем магазине, он облупливает не просто для барышей, как бывало прежде, а из добродетели, из какой-то священной необходимости» [2. Т. 5. С. 76].

В то время как в западном обществе происходила беспрецедентная гонка за барышом, в искусстве буржуа не хотел видеть обнажения своей сути. Он требо-

вал лакировки действительности: «...подавай ему непременно бессеребренников» [2. Т. 5. С. 77].

Одними из главных проводников буржуазных принципов в русскую жизнь Достоевский считает евреев, за что его несправедливо считают антисемитом. В нескольких произведениях он говорит о всесиилии денег: в «Записках из Мертвого дома» «деньги есть чеканная свобода», в «Униженных и оскорбленных» «деньги – это власть». Ганя Иволгин из «Идиота» провозглашает: «Деньги дают человеку оригинальность»; по мнению героя «Игрока», «деньги – это всё». Особенно сильно страсть к деньгам проявляется у героя «Подростка», который готов целовать не женщин, а попадавшие в его руки после наивных спекуляций десятирублевки, который выдумал целую теорию о скрытой силе денег и считал, что самый счастливый человек в мире – это банкир Ротшильд. Никаких иных ценностей он не признавал, и только любовь к женщине позволила ему избавиться от этого наваждения. В конце своей жизни Достоевский подвел своеобразный итог дискуссии о роли денег в жизни общества и отдельного человека: «В нынешнем образе мира полагают свободу в разнузданности, тогда как настоящая свобода – лишь в одолении себя и воли своей... А разнузданность желаний ведет лишь к рабству вашему. Вот почему чуть-чуть не весь нынешний мир полагает свободу в денежном обеспечении и в законах, гарантирующих денежное обеспечение: “Есть деньги, стало быть, смогу делать всё, что угодно; есть деньги – стало быть, не погибну и не пойду просить помощи, а не просить ни у кого помощи есть высшая свобода”». А между тем это, в сущности, не свобода, а опять-таки рабство, рабство от денег» [3. Т. 2. С. 63].

В таком случае погоня за деньгами становится результатом определенного умонастроения людей, которое, в свою очередь, является результатом общественной практики. Путь к капиталу через предпринимательство в разных формах, в том числе и через ростовщичество, от которого писатель страдался, в российских условиях был чрезвычайно тяжел. В этой связи Достоевский писал: «Уже потому ли обвиняют меня в “ненависти”, что я иногда называю еврея “жидом”? Но, во-первых, я не думаю, что это было так обидно, а во-вторых, слово “жид”, насколько я помню, я упоминал для обозначения известной идеи “жид, жидовщина, жидовское царство” и проч. Тут обозначалось известное понятие, направление, характеристика века» [3. Т. 2. С. 77]. Однако в очерке «Еврейский вопрос» сам автор подчеркивает, что он выступает не против национальности, а против носите-

лей определенной социальной идеи. «Жидовство» отделено у него от еврейской национальности – это прежде всего власть денег. Причем Достоевский рассматривает это явление как плод последнего времени, капитализма. Писатель был противником власти денег, выступал против идеи, власть денег оправдывающей. По большому счету, его трактовка «жидовства» сходна с позицией по этому вопросу К. Маркса, еврея по национальности, который называл безудержную страсть к обогащению «еврейством» и крайне отрицательно к этому относился. Достоевский говорит, что русские в России не менее стеснены, чем евреи, и замечает: «Мне иногда в голову приходит фантазия: ну, что, если б это не евреев было в России три миллиона, а русских; а евреев было бы 80 миллионов – ну, во что обратились бы у них русские и как бы они их третировали?» [3. Т. 2. С. 83]. Считая, что положение евреев в России фактически не хуже, чем русских, Достоевский выступал за предоставление евреям равных с русскими формальных прав. Писатель рисует евреев в своих произведениях не самыми лучшими красками, но ведь и многих русских персонажей его романов можно видеть под таким же углом зрения. «Но Достоевский не был ни антирусистом, ни антисемитом», – писал в свое время Ю.Г. Кудрявцев, автор нашумевшей книги о творчестве Достоевского [4. С. 107].

1860-е гг. были временем «прорастания» в России буржуазных отношений, которые, как считал Ф.М. Достоевский, являлись следствием западного, во многом тлетворного, влияния на русскую жизнь. В это время все проблемы социальной и духовной жизни рассматриваются им сквозь призму нравственную, часто религиозно-нравственную. С позиций нравственности он отрицает буржуазный мир, буржуазный стиль жизни и мышления. «Не было для писателя, – как отмечает А.И. Новиков, – более ненавистного качества, нежели буржуазность – культ вещей, бездуховность, стяжательство, бессмысленное существование» [5. С. 109].

Однако вскоре позиция писателя меняется, и он уже более терпимо и мудро относится к новому времени и его носителям, прежде всего купцам. В самом известном его романе «Преступление и наказание» на втором плане, в письмах матери главного героя, Родиона Раскольникова, присутствует купец Афанасий Иванович Вахрушев, который характеризуется как «добрый человек», с пониманием относящийся к проблемам семьи Раскольниковых, оказавшейся после смерти отца в тяжелых материальных обстоятельствах. В минуту тяжелых душевных переживаний сам Раскольников в глубокой задумчивости вышел на мостовую в Петербурге, т.е. на проезжую часть, и кучер с промчавшейся мимо кареты вытянул бедно и неряшливо одетого молодого человека вдоль спины кнутом. После этого произошел любопытный эпизод, который, наверное, читателям не запомнился: «Но в ту минуту, как он стоял у перил и все еще бессмысленно и злобно смотрел влед удалявшейся коляске, потирая спину, вдруг он почувствовал, что кто-то сует ему в руки деньги. Он посмотрел: пожилая купчиха, в головке и козловых башмаках, и с нею девушка, в шляпке и с зеленым зонтиком, вероятно, дочь. “Прими, батюшка, ради Христа”. Он взял, и

они прошли мимо. Денег двугривенный. По платью и по виду они могли принять его за нищего, за настоящего собирателя грошей на улице, а подаче целого двугривенного он, наверно, обязан был удару кнута, который их разжалобил» [2. Т. 7. С. 125]. Не с этого ли момента начинается раскаяние Раскольникова в содеянном им страшном преступлении?

В романе «Бесы» среди многих персонажей, вызывавших у автора, а затем и у читателей негативные эмоции, незаметно присутствуют скромные положительные герои из провинциального купечества. Вот, например, купец Андреев, «лавочник, большой чудак, археолог-самоучка, страстный собиратель русских древностей, иногда пикировавшийся со Степаном Трофимовичем познаниями, а главное, в направлении. Этот почтенный купец, с седою бородою и в больших серебряных очках, не доплатил Степану Трофимовичу четырехсот рублей за купленные в его именище... несколько десятин лесу на сруб» [2. Т. 10. С. 25–26]. Здесь важно отметить, что Достоевский наделяет купца Андреева собственными убеждениями «почвенника», т.е. носителя традиционных национальных ценностей, в отличие от либерала-западника Степана Трофимовича Верховенского и его сына Петруши – революционера и террориста, который вынес свои убеждения также из Западной Европы. Купцы постоянно присутствуют в романе на втором плане. Вот, например: «Подъехал на дрожках купец, жирный и желтый, вылез из экипажа, отдал земной поклон, приложился (к иконе. – В.Б.), пожертвовал рубль, охая взобрался на дрожки и опять уехал» [2. Т. 10. С. 297, 302]. Или купец, который присутствовал на приеме у местного блаженного и пророчествовавшего Семена Яковлевича: «Прочие посетители все стояли по сю сторону решетки, всё тоже больше из простых, кроме одного толстого купца, приезжего из уездного города, бородача, одетого по-русски, но которого знали за стотысячника» [Там же]. Этому купцу выпала высокая честь пить чай вместе с Семеном Яковлевичем, причем сахару в его стакан было положено несколько порций, но «купец беспрекословно стал пить этот сироп».

Однако в романе «Идиот» Достоевский уже с первой страницы выводит в главные действующие лица купеческого сына, получившего весть о смерти отца и едущего в одном купе вагона с главным героем романа – князем Мышкиным. Зовут его Парфен Рогожин, и внешность его весьма колоритна, хотя одежда и поведение во многом типичны для купцов того времени: «Один из них был небольшого роста, лет двадцати семи, курчавый и почти черноволосый, с серыми маленькими, но огненными глазами. Нос его был широк и сплюснут, лицо скуластое; тонкие губы беспрерывно складывались в какую-то наглую, насмешливую и даже злую улыбку; но лоб его был высок и хорошо сформирован и скрашивал неблагородно развитую нижнюю часть лица. Особенно приметна была в этом лице его мертвая бледность, придававшая всей физиономии молодого человека изможденный вид, несмотря на довольно крепкое сложение, и вместе с тем что-то страстное, до страдания, не гармонизировавшее с нахальной и грубою улыбкой и с резким самодовольным его взглядом. Он был тепло одет, в широкий мерлушечий

черный крытый тулуп, и за ночь не зяб...» [2. Т. 8. С. 5–6]. Рогожин с охотой рассказывает в ответ на признания князя Мышкина свою историю, когда, без памяти влюбившись в Настасью Филипповну, он предпринял дерзкую попытку обратить на себя ее внимание: «У нас, у родителя, попробуй-ка в балет сходить, – одна расправа – убьет! Я, однако же, на час втихомолку сбежал и Настасью Филипповну опять видел, всю ночь не спал. Наутро покойник (умерший отец Рогожина. – В.Б.) дает мне два пятипроцентные билета, по пяти тысяч каждый, сходи, дескать, да продай, да семь тысяч пятьсот к Андреевым на контору снеси, уплати, а остальную сдачу с десяти тысяч, не заходя никуда, мне представь, буду тебя дожидаться...» [2. Т. 8. С. 13]. Гениально описанный облик русского купца предстает в романе во всей полноте и типичности. Тут тебе и система воспитания, и отношения между купцами, их язык и многое другое, что понимаешь в контексте романа гораздо лучше, чем в цитатах.

Исследователь творчества Достоевского, автор его биографии в серии «Жизнь замечательных людей», Л. Гроссман сравнивал образ Парфена Рогожина с Отелло. Примечательно замечание исследователя, что культура не коснулась этого «миллионера в тулупе». Семья его близка к темным течениям раскола: отец для виду блюдет обычаи официальной православной веры, но его влечет к скопцам, хлыстам и прочим сектантам. Тетка Рогожина живет в Пскове – одном из центров староверов – и по своему призванию монашенка. Да и сам Парфен, по замечанию Мышкина, устремлен к «двуперстному сложению» и дониконовскому писанию. «Кряжистый купеческий род Рогожиных далек от новшеств европействующего быта – от типа подстриженных и принаряженных “негоциантов” в цветных жилетках; он сохраняет связь с народными традициями и поверьями старины. В нем живет цельность древнего благочестия вместе с грозной удалью стрелецких бунтов» [6. С. 432].

Достаточно много внимания уделено купечеству и в последнем романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». Вот, например, образ купца Кузьмы Самсонова, который был навеян писателю воспоминаниями о его питерском домовладельце. Самсонов соблазнил молодую женщину, брошенную любовником, привез ее в свой провинциальный город, и изредка они встречались. Интрига вокруг Аграфены Александровны (Грушеньки), когда на ее благосклонность претендовали Федор Павлович Карамазов, отец братьев, и старший его сын Дмитрий Федорович (Митенька), является одной из центральных в романе. На ее основе показаны высота и низость любовных отношений, роковая роль денег, типичные отношения в купеческой провинциальной среде.

Самсонов был купцом старого образца и жил по старинке: «Дом этот был старый, мрачный, очень обширный, двухэтажный, с надворными строениями и с флигелем. В нижнем этаже проживали два женатые сына Самсонова со своими семействами, престарелая сестра его и незамужняя дочь. Во флигеле же помещались два его приказчика, из которых один был тоже многосемейный. И дети, и приказчики теснились в своих помещениях, но верх дома занимал старик один и не пускал к себе жить даже дочь, ухаживавшую за ним... Этот “верх” состоял из множества больших па-

радных комнат, меблированных по купеческой старине, с длинными скучными рядами неуклюжих кресел и стульев красного дерева по стенам, с хрустальными люстрами в чехлах, с угрюмыми зеркалами в простенках. Все эти комнаты стояли совсем пустыми и необитаемыми, потому что больной старик жался лишь в одной комнатке, в отдаленной маленькой своей спальне, где прислуживала ему старуха служанка, с волосами в платочке, да “малый”, пребывавший на залавке в передней» [2. Т. 8. С. 412].

Замечены Достоевским и характерные черты социально-психологического облика купечества, которые не всегда были положительными. Прожженный делец Федор Павлович Карамазов так дает напутствие своему сыну Ивану перед заключением сделки с купцом Горсткиным по прозвищу Лягавый: «Этот Горсткий на вид мужик, в синей поддевке, только характером он совершенный подлец, в этом-то и беда наша общая: он лжет, вот черта. Иной раз так налжет, что только дивишься, зачем это он. Налгал третьего года, что жена у него умерла и что он уже женат на другой, и ничего этого не было, представь себе: никогда жена его не умирала...» [2. Т. 8. С. 313]. При заключении сделки нужно было смотреть Горсткому не в глаза, а на его бороду: «Видишь: ему на бороду надо глядеть; бороденка у него рыженькая, гаденькая, тоненькая. Коли бороденка трясется, а сам он говорит да сердится – значит ладно, правду говорит, хочет дело делать; а коли бороду гладит левою рукой, а сам посмеивается – ну, значит надуть хочет, плурует» [Там же].

Другой купец, Максим Иванович Скотобойников, главный герой вставного рассказа Макара Ивановича Долгорукого (роман «Подросток»), «ситцевую фабрику построил и рабочих несколько сот содержал; и возмнил о себе безмерно. И надо так сказать, что уже все ходило по его знаку, и само начальство ни в чем не препятствовало, и архимандрит за ревность благодарил: много на монастырь жертвовал и, когда стих приходил, очень о душе своей воздыхал и о будущем веке озабочен был немало. Вдов был и бездетен; про супругу-то его был слух, что усахарил он ее еще на первом году и что смолоду любил он ручкам волю давать; только давно уж перед тем это было; снова же обзяться браком не захотел. Слаб был тоже и выпить, и, когда наступал ему срок, то хмельной по городу бежит нагишом и вопит; город не знатный, а все зазорно. Когда же переставал срок, становился сердит, и все, что он рассудит, то и хорошо, и все, что повелит, то и прекрасно. А народ рассчитывал произвольно...» [7. С. 435].

И далее странник Макар своим сказовым слогом повествует, как самодур Скотобойников хотел благодетельствовать восьмилетнего мальчика, сына разоренного им и умершего купца, но довел его до самоубийства, и когда мальчик-самоубийца начал сниться ему по ночам, пытался загладить свой грех. Вначале он женился на его матери, а потом бросил все свои богатства и ушел странствовать. Судьба Скотобойникова в общих чертах напоминает судьбу рассказчика, который, оставив дома неверную супругу, отправился странствовать.

Такие случаи бывали в истории российского предпринимательства, особенно во втором-третьем поко-

лениях купцов, уходивших в богоискательство, в революцию, другие сферы человеческой деятельности, чтобы только не наживать и не приумножать свои капиталы.

Интересен, хотя и малозаметен, другой тип «ветхозаветного» русского купца – это Семен Парфенович Рогожин, отец братьев Рогожиных. С.П. Рогожин, купец-миллионщик, потомственный почетный гражданин, за месяц до начала действия романа «Идиот» умер, оставив сыновьям два с половиной миллиона в наследство. Уже на первых страницах романа Достоевский рисует его портрет в рассказе Парфена Рогожина о том, как родитель чудом не убил его за купленные бриллиантовые подвески для Настасьи Филипповны и на коленях вымолил их у нее обратно.

О характере и внешности Рогожина-старшего можно судить по портрету, который князь Мышкин видит в доме Рогожиных: «Один портрет во весь рост привлек на себя внимание князя: он изображал человека лет пятидесяти, в сюртуке покроя немецкого, но длинно-полом, с двумя медалями на шее, с очень редкою и коротенькою седоватою бородкой, со сморщенным и желтым лицом, с подозрительным, скрытным и скорбным взглядом...» [7. С. 416–417]. Из диалога гостя и хозяина выясняется, что отец Рогожина «ходил в церковь», но считал, что «по старой вере правильнее» и «скопцов тоже уважал очень». И вот этот верующий христианин, по меткому выражению Лебедева, не то что за десять тысяч, за «десять целковых» человека («со света сживывал»).

Дополняет характеристику купеческого рода Рогожиных их фамильный дом: «Дом этот был большой, мрачный, в три этажа, без всякой архитектуры, цвету грязно-зеленого. Некоторые, очень, впрочем, немногие дома в этом роде, выстроенные в конце прошлого (XVIII – В.Б.) столетия, уцелели именно в этих улицах Петербурга (в котором все так скоро меняется) почти без перемены. Строены они прочно, с толстыми стенами и чрезвычайно редкими окнами; в нижнем этаже окна иногда с решетками. Большой частью внизу меняльная лавка. Скопец, заседающий в лавке, нанимает вверх. И снаружи, и внутри как-то негостеприимно и сухо, все как будто скрывается и таится, а почему так кажется по одной физиономии дома, – было бы трудно объяснить. Архитектурные сочетания линий имеют, конечно, свою тайну. В этих домах проживают почти исключительно одни торговые».

Типичный путь в купцы показан Достоевским на примере образа Трифона Борисовича, хозяина постоялого двора в Мокром, подгородном селе.

Вот портрет его и его семейства, который может служить иллюстрацией для многих исследователей социокультурного и социально-психологического облика российского предпринимателя: «Этот Трифон Борисыч был плотный и здоровый мужик, среднего роста, с несколько толстоватым лицом, виду строгого и непримиримого, с мокринскими мужиками особенно, но имевший дар быстро изменять лицо свое на самое подобострастное выражение, когда чуял взять выгоду. Ходил по-русски, в рубахе с косым воротом и в поддевке, имел деньжонки значительные, но и мечтал о высшей роли неустанно. Половина с лишком

мужиков было у него в когтях, все были должны ему кругом. Он арендовал у помещиков землю и сам покупал, а обрабатывали ему мужики эту землю за долг, из которого никогда не могли выйти. Был он вдов и имел четырех взрослых дочерей; одна была уже вдовой, жила у него с двумя малолетками, ему внучками, и работала на него как поденщица. Другая дочка-мужичка была замужем за чиновником, каким-то выслужившимся писаречком, и в одной из комнат постоялого двора на стенке можно было видеть в числе семейных фотографий, миниатюрнейшего размера, фотографию и этого чиновника в мундире и в чиновных погонах. Две младшие дочери в храмовый праздник, али отправляясь куда в гости, надевали голубые или зеленые платья, сшитые по-модному, с обтяжкой сзади и с аршинным хвостом, но на другой же день утром, как и во всякий день, подымались чуть свет и с березовыми вениками в руках выметали горницы, выносили помои и убирали сор после постояльцев. Несмотря на приобретенные уже тысячки, Трифон Борисыч очень любил с постояльца кутящего и помня, что еще месяца не прошло, как он в одни сутки поживился от Дмитрия Федоровича, во время кутежа его с Грушенькой, двумя сотнями рубликов с лишком, если не всеми тремя, встретил его радостно и стремительно, уже по по тому одному, как подкатил ко крыльцу его Митя, почуввав снова добычу...» [2. Т. 9. С. 462].

Еще одна история связана с Дмитрием Федоровичем Карамазовым, когда он служил в одном из армейских пехотных полков. Там он познакомился с Катериной Ивановной Верховцевой, дочерью подполковника, командира батальона, под началом которого служил. Для пополнения своего жалования этот командир давал купцу Трифонову деньги в виде краткосрочного займа, но случилась неожиданная проверка, а денег в наличии не было. На время подполковник притворился больным, но не для всех было секретом, что за этим стояло.

Вот как об этом рассказывает своему брату Алеше Митя Карамазов: «Только я вот что досконально знал по секрету и даже давно: что сумма, когда отсмотрят ее начальство, каждый раз после того, и это уже года четыре сряду, исчезала на время. Ссужал ее подполковник вернейшему одному человеку, купцу нашему, старому вдовцу, Трифонову, бородачу в золотых очках. Тот съездит на ярмарку, сделает какой надо ему там оборот и возвращает тотчас подполковнику деньги в целости, а с тем вместе привозит с ярмарки гостинцу, а с гостинцами и процентки. Только в этот раз (я тогда узнал все это совершенно случайно от подростка, слюнявого сынишки Трифонова, сына его и наследника, развратнейшего мальчишки, какого свет производил), в этот раз, говорю, Трифонов, возвратясь с ярмарки, ничего не возвратил. Подполковник бросился к нему: “Никогда я от вас ничего не получал, да и получать не мог”, – вот ответ...» [2. Т. 9. С. 128].

Надо ли говорить, какой суровой была расплата за эти прегрешения. Подполковник попытался застрелиться, но его спасли, и его младшая дочь Екатерина Ивановна пришла к Митеньке просить деньги для отца. Митя деньги дал, получив вместо благодарности ее ненависть, но отца это не спасло. Через несколько недель он умер от воспаления мозга. Линия «Митя – Екатерина

Ивановна – Грушенька» является одной из основных в романе «Братья Карамазовы», но нас интересуют купцы, едва ли не единственные предприниматели того времени. Так вот, негативные качества российского предпринимательства здесь проявляются сполна – кодекс купеческой чести по этим поступкам не напишешь, но главное, что подмечено Достоевским в купцах, у них не отнимешь – страсть к обогащению, подчинение этой страсти всей своей жизни, перешагивание через моральные и этические нормы, утеря совести и человеколюбия. Если одного начинающего предпринимателя писатель называет по имени и отчеству – Трифон Борисович, то другого только по фамилии, и получается единый по своей сути образ – Трифон Борисович Трифонов.

Кроме таких ценных наблюдений над жизнью и деятельностью русского купечества, в творчестве Достоевского находим не менее ценные теоретические построения о российском предпринимательстве в целом. Например, в «Дневнике писателя» содержится определение, которое не потеряло своей актуальности и в наши дни: «Настоящие, правильные капиталы возникают в стране не иначе, как, основываясь на всеобщем трудовом благосостоянии ее, иначе могут образоваться лишь капиталы кулаков и жидов. Так и будет, если дело продолжится, если сам народ не опомнится, а интеллигенция не поможет ему... Явятся мелкие, подленькие, развратнейшие буржуа и бесконечное множество закабаленных ими нищих рабов – вот картина!» – восклицает Достоевский по поводу того, что массовое спаивание народа поддерживается государством, так как дает доход в бюджет [3. Т. 1. С. 99].

В 70-е гг. XIX в. происходило быстрое обуржуазивание страны. Достоевский отметил, что русское купечество в это время разделилось на два разряда: «...на тех, которые продолжали носить бороду, несмотря на свой миллион, и в огромных собственных домах своих, несмотря на зеркала и паркетные полы, жили немного по-свински и нравственно, и физически. Самое еще лучшее, что в них было – это их любовь к колоколам и голосистым диаконам... Другой разряд миллионеров-купцов отличался прежде всего фраками и бритыми подбородками, великолепной европейской обстановкой домов их, воспитанием дочерей на французском и английском языках с фортепианами, нередко орденом за большие пожертвования, нестерпимым чванством над всем, что его понижает» [Там же. С. 214].

Далее приводим высказывание, которое довольно часто цитировали историки пореформенного периода, но вырывали из контекста «Дневника писателя» и не-

редко сокращали в ущерб смыслу: «И вот прежние рамки прежнего купца вдруг страшно раздвигаются в наше время. С ним вдруг роднится европейский спекулянт, на Руси еще прежде неведомый, и биржевой игрок. Современному купцу уже не надо залучать к себе на обед “особу” и давать ей балы; он уже роднится и братается с особой на бирже, в акционерном собрании, в устроенном вместе с особой банке; он уже теперь сам лицо, сам особа. Главное, он увидел себя решительно на одном из самых высших мест в обществе, на том самом, которое во всей Европе давно уже, и официально отведено миллиону, и – уж, разумеется, не усумнился сам в себе, что он и впрямь достоин этого места. Одним словом, он всё более и более убеждается теперь сам, от самого чистого сердца, что он-то и есть теперь “лучший” человек на земле взамен даже всех бывших прежде него. Но грозящая беда не в том, что он думает такие глупости, а в том, что и другие (и уже очень многие), кажется, начинают точно так же думать. Мешок у *страшного* (курсив Достоевского) большинства, несомненно, считается теперь за всё лучшее» [3. Т. 1. С. 435–437].

Размеры статьи не позволяют более полно развернуть другие характеристики в отношении русского купечества и российского предпринимательства в творчестве Достоевского.

Выводы сводятся к тому, что в романах Достоевского наблюдается все возрастающее внимание к русскому купечеству, которое несло в себе как отрицательные стороны обогащения, наваянные прежде всего Западом, так и многие черты русского национального характера или «почвенничества», движения, к которому принадлежал сам Достоевский. Писатель говорит о недостатке в России «практических людей», т.е. профессионалов в своем деле, прежде всего в коммерции и управлении государством и отдельными его регионами. Им недостает не только профессионального образования, но и морально-этических качеств.

Тем не менее господство буржуазии в конце 1870-х гг. стало очевидным и для Достоевского, поэтому у него появляются купцы старозаветные, одних с ним убеждений, что дает возможность надеяться на благополучный исход в формировании российского гражданского общества. Подпитываясь творчеством великого писателя, можно надеяться, что как-нибудь и нынешние торгово-промышленные воротилы, олигархи российского и местного масштабов перестанут заботиться только о своей мощи и обратят внимание на народные нужды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лосский Н.О. Достоевский и его христианское миропонимание // Лосский Н.О. Бог и мировое зло. М.: Республика, 1994.
2. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л., 1972.
3. Достоевский Ф.М. Дневник писателя: в 2 т. 1877, 1878, 1881. М.: Айрис-пресс, 2006.
4. Кудрявцев Ю.Г. Три круга Достоевского. Событийное. Временное. Вечное. М.: Изд-во МГУ, 1991.
5. Новиков А.И. Нигилизм и нигилисты. Опыт критической характеристики. Л.: Лениздат, 1972.
6. Гроссман Л. Достоевский. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Мол. гвардия, 1965.
7. Достоевский. Энциклопедия / сост. Н.Н. Наседкин. М.: Алгоритм, Эксмо, Око, 2008.

Статья представлена научной редакцией «История» 16 января 2012 г.